

Денис Белохвостов

Булавки и бабочки

Денис Белохвостов

Булавки и бабочки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=127963

Аннотация

Когда из жизни человека, а особенно ребенка, уходит что-то хорошее и светлое, ему становится тяжело и больно. Так произошло с главным героем этой повести. Девочку, которую он тайно любил, сбила машина. И она теперь в коме. Если через двадцать восемь дней не очнется – уйдет навсегда. Но мальчик ко всему прочему видит призраков или собственные глюки, в этом он сам еще до конца не разобрался. И те подсказывают ему, как можно вернуть девочку, правда, идя на значительный риск. И Максим, так зовут мальчика, решает отправиться за ней туда, где сходятся жизнь и смерть, в место, называемое Междумирьем.

Денис Белохвостов

Булавки и бабочки

Корпорация «Безумие» Отдел туризма и путешествий.

*Моя смерть разрушит цепи сна,
когда мы будем вместе...*

Группа «Крематорий»

Синяя. Синяя с белым – цвета неба и облаков. Это цвет куртки Насти. Если слегка прикрыть глаза, когда предметы перед тобой начинают расплываться, то кажется, что кусочек неба случайно попал на землю. Я люблю смотреть на нее рано утром с третьего этажа школы, когда учеников еще нет, и приятно, и другим не видно, что пялишься. И еще немного об Асе или Насте. Ее полное имя Анастасия, двойное, можно Асей звать, а можно Настей, мне оба нравятся. Она красивая и какая-то хрупкая, кажется беззащитной, но это иллюзия, Настя может постоять за себя. А кто я? Я просто сумасшедший мальчик, ее одноклассник. Сумасшедший в прямом смысле. А как еще называть человека, который видит глюки? Некоторые глотают всякую дрянь, чтобы их увидеть, а ко мне они сами приходят, да еще и разговаривают. Наверное дело в конце концов закончится психушкой. Мне непри-

ятно от этой мысли. Но психиатры говорят, что признаков их заболеваний у меня нет. Родители меня по всем врачам протащили. Все как сговорившись, качают головами, и списывают все на начавшийся переходный возраст. Глюки у меня начались вскоре после двенадцатилетия. Впрочем зря я так о врачах, они все же кое-что сделали: поставили диагноз – быстрая утомляемость. Потому что иногда я засыпаю прямо на уроке. Или мне кажется что настолько устал, еще сделаю два шага, а потом упаду и отключусь.

А год назад я влюбился в Настю. Сразу, как только она пришла в наш класс. Ее имя только назвала учительница, а я смотрел на нее и понимал, все – я влюбился. Только вот я никогда не смогу ей признаться в этом. Слишком большое расстояние между красивой спортивной девочкой и средним «серым» мальчиком, у которого к тому же «едет крыша». Втайне мне мои глюки удержать не удалось, о них узнали сначала родители, потом одноклассники. Слухи распространяются быстро. Одноклассники сначала проявили интерес, расспрашивали что я вижу. Потом посмеивались, потому что, иногда, забываясь, я начинал разговаривать с глюками вслух. И только смех или одергивание учительницы возвращало меня к реальности. Чувствуешь себя при этом полным дураком, смущаешься и стыдишься. А затем все стали принимать мои странности как должное. Равнодушие как духота – обычное явление в нашем классе, никому ни до кого нет дела. Впрочем если есть повод, то всякий норовит посме-

яться над тобой. Придираются естественно к тем кто слабее. Поэтому о дружбе среди ребят в классе и речи не идет, есть только хорошие знакомые, у которых можно списать или позвонив, узнать уроки. В других классах тоже самое, а иногда еще хуже.

Сейчас я стою около окна, но не близко, а на расстоянии. Около метра от стекла. Так меня незаметно с улицы. В коридоре и у дверей класса еще никого нет. Я люблю приходить раньше всех, так уж повелось с младших классов и сейчас это вошло в привычку. Есть и еще повод – подойдя к окну можно увидеть как одноклассники идут в школу. Но кроме Насти меня никто не интересует. Она идет с подругами, они выше ее ростом, поэтому кажется что маленькая принцесса идет под охраной. Тьфу! Хватит сентиментальности, этак и вслух можно начать говорить! Не хватало еще чтобы кто-то догадался, что я к ней равнодушен. Тогда такое начнется, хоть в другую школу переходи! Я мотаю головой, и протираю глаза. Кусочек неба исчез. Над головой тяжелая серая хмарь неба. Конец марта. Снег уже почти стаял, но холодно и сыро. Впрочем в школе этого не чувствуется, топят хорошо к тому же на мне теплый свитер.

–А она действительно красивая... – слышу я задумчивый голос раздающийся справа от меня. Медленно поворачиваю голову. Так и есть. Призрак, он же глюк. Стоит у второго окна. Это парень лет четырнадцати-пятнадцати в черном костюме, при галстукe и больших солнцезащитных очках. Всем

своим глюкам я даю имена. Этого зову Гробовщиком. Слишком черный у него костюм, неестественно черный. А белая рубашка лишь подчеркивает это и темноту стекол в его очках. Я ни разу не видел его без них, поэтому о глазах ничего сказать не могу. И он всегда курит сигарету, которая никогда не кончается, не превращается в окурок. Запаха табачного дыма я тоже не чувствую.

–Заткнись! – как можно злее говорю я. Обычно это действует и призраки исчезают. Рассеиваются как дым. Они вообще не любят сильных эмоций, как только начинаешь волноваться или психовать – сразу пропадают. Но не в этот раз.

–Не сердись Максим, я просто констатирую факт, – он с удовольствием затягивается и выпускает струю серого дыма. Меня начинает тошнить, терпеть не могу запаха табачного дыма, а сейчас мне достаточно одного вида этого нахального курильщика. Но неожиданно я успокаиваюсь. Хоть с ними, призраками можно поговорить о моей тайне. Они по крайней мере ее никому не выдадут.

–Скоро сюда придут твои одноклассники, – бесцветным тоном сообщил Гробовщик.

–Это я и сам знаю, – раздраженно ответил я, мне хотелось, чтобы этот призрак исчез.

–Если от кого-то что-то хочешь, то так и скажи! – вдруг громко и твердо сказал Гробовщик и исчез. Быстро растворился в воздухе без следа, как и подобает призракам.

Через пару минут в холл третьего этажа стали заходить

одноклассники Максима. К нему сразу же подошел Сашка.

– Дай математику списать! – быстро попросил он.

– Держи, – ответил Максим, после того как медленно подойдя к своему рюкзаку вытащил тетрадку по математике и протянул ее Сашке.

– Отойдем, – предложил Сашка, кивнув головой в сторону стены. Максим пожал плечами и вместе с ним отошел к дальнему подоконнику. Сашка стал лихорадочно списывать, боясь опоздать к началу урока. Максим на всякий случай загородил его так, чтобы учительница идя к классу, случайно, не заметила что Сашка списывает.

– Слушай, – не переставая писать заявил Сашка, – я знаю, почему ты глюки видишь, – и замолчал, ожидая вопроса. Но его не последовало. Максиму уже надоела тема призраков до отвращения. Неприятно осознавать себя психом, белой вороной. Некоторые одноклассники его уже и погадать просили, и спрашивали, не похищали ли его инопланетяне. Вот Вовка Гасников, тот бы уж разошелся в этой ситуации, с три короба бы наврал. Он уже имел неприятности когда утверждал, что ему звонили террористы и предупредили о взрыве, и он конечно, как честный человек перезвонил в милицию. В итоге уроки были сорваны и всех послали домой. Самого Гасникова быстро «вычислили» и провели воспитательную беседу. Завуч тогда ехидно сказал, что террористы почему-то решили заминировать школу как раз в день контрольной в их классе.

Максим продолжал молчать. Не дождавшись ответа Сашка продолжил:

— У тебя третий глаз открыт, вот ты им и видишь то чего на самом деле нет.

— Я бы тогда ауру людей видел, — возразил Максим, — как тибетские монахи. А так — всего несколько глюков, — он уже давно пожалел, что рассказал одноклассникам о призраках, но с другой стороны что было делать, когда он вдруг стал разговаривать на уроках и переменах неизвестно с кем. «Надо было не подавать виду, держатся как шпиону, хранить свои тайны в себе», — запоздало сожалел Максим.

— Вот что тебе надо сделать, — с важным видом, даже оставившись списывать сказал Сашка, — дырку тебе надо во лбу просверлить. Ну, там где третий глаз находится. Вот он у тебя тогда и закроется, перестанешь всякую муть видеть.

— Ага! — возмутился Максим, — ты мне чтоли хочешь дрелю черепушку сверлить? Тогда уж лучше из пистолета дырку эту во лбу сделать, чтоб наверняка глюки исчезли, а заодно и все глаза закрылись. И потом, с чего ты взял, что третий глаз, если кость просверлить — закроется?

— Ну мое дело предложить, — хмыкнул недовольно Сашка, и тут же спросил, — новеньких видел?

— В смысле? — не понял Максим.

— Ну глюки новые видел? — уточнил Сашка.

— Не, — покачал головой Максим, — Гробовщик утром приходил.

–И что сказал? – сразу заинтересовался Сашка.

–Как всегда, ничего особенного, – вздохнул печально Максим, – они никогда почти толково не говорят. Несут непонятно что, чушь одним словом.

–Понятно, – разочарованно протянул Сашка, отдавая ему тетрадку. Как раз прозвенел первый звонок, учительница открыла дверь и ребята стали заходить в класс.

В классе я сижу один. Раньше сидел с Колькой Дымченко, но он пересел на две парты назад, чтобы можно было обсуждать с Петькой Ильяскиным футбольные новости. Они оба заядлые болельщики, а я к спорту равнодушен.

Учительница потребовала раскрыть тетрадки с домашним заданием, быстро прошла по рядам, проверяя его наличие, обычно у нас их собирают и мы пишем во второй тетради, но сегодня она сделала исключение. Потом вызвала к доске Симулину – отличницу, высокую девочку в очках и с косой до пояса, типичную «зауканку», та написала пример из учебника и стала его неторопливо и основательно решать. Стало ужасно скучно и меня потянуло в сон. Я уже закрыл глаза и готов был плавно перейти в царство грез как вздрогнул от громкого и заунывного голоса:

–Помните ли вы Ваше Величество...

Я чуть не вскочил со стула, и не заорал «Помню, кретин!». Но всего лишь открыл глаза и посмотрел в направлении, откуда раздался голос. Так и есть, Китайский Император, призрак. А может и не император, а один из высоких

сановников. Во всяком случае одет он роскошно, и на голове смешная шапочка с качающимися бусинками на ниточках. Эх, не надо было тогда смотреть фильм «Император и убийца». Через неделю после просмотра в кинотеатре этого фильма, появился этот призрак. Но на Императора из фильма он не похож, да и ко мне всегда обращается «Ваше Величество». Осталось надеть треуголку как у Наполеона, и добро пожаловать в психиатрическую лечебницу. Максим грустно улыбнулся. А может фильм тут не причем? Гробовщик и Синий Крокодил вроде в фильмах не мелькали, и вообще он их раньше нигде не видел. Призрак стоял у противоположной от окна стороны доски и почтительно кланяясь, продолжил:

–Помните ли вы Ваше Величество, свое обещание...

–Помню, – шепотом, склонив голову к тетрадке, чтобы никто не услышал ответил Максим, – пригласить на дискотеке..., – имя он даже шепотом боялся произнести. И это обещание он дал полгода назад, когда ни призраков, ни дискотек в его жизни еще не было. Он хотел на первой же дискотеке, которые устраивали с шестого класса, набрался смелости и пригласить Настю танцевать.

–Вам вряд ли удастся выполнить Ваше обещание, – мягко сказал и опять поклонился Китайский Император.

–Да уж сам знаю, – невесело усмехнулся Максим, – какое уж там обещание, в дурак бы не загреметь.

–Вы опять ошибаетесь, Ваше Величество, – вкрадчиво

продолжал с тем же церемониальным поклоном Китайский Император, казалось, без этих поклонов он не может обойтись, – обстоятельства не зависят от вас. На этом разрешите мне покинуть ваше общество, – и он исчез.

Максим давно уже не боялся призраков, и разговаривал или спорил с ними на равных. В первый раз, когда он увидел Гробовщика, он тоже не испугался, хотя это случилось в полутемном школьном коридоре. Он в тот хмурый осенний день пришел в школу слишком рано. Когда он заметил идущего рядом и курящего Гробовщика, то решил, что это просто наглый старшеклассник таким способом показывает свою «крутость». В то время только завершилась мода на черные очки и пиджаки. «Матрица-2» и «Люди в черном-2» прочно завладели умами ребят. Школьной формы у них не было уже очень давно, Максим слышал о ней только по рассказам учителей. Поэтому все ходили, кто в чем хотел и кому что нравилось. Пара девчонок на класс старше сами сшили и носили мантии в стиле Гарри Поттера. А одна модница из параллельного класса «косила» под вампира. Это часто было похоже на какой-то странный карнавал. Максиму иногда казалось тогда, что их школа превратилась в филиал центра обучения секретных агентов и телохранителей. Одна девочка из их класса, татарка по национальности, с очками и в длинном плаще выглядела вылитой Тринити, за что и получила прозвище «Маша-Тринити». Мода прошла, а вот прозвище у нее так и осталось, чему она теперь совсем не рада.

Пару раз огрызалась, но бесполезно. С прозвищами очень тяжело бороться поэтому обычно человек смиряется и привыкает.

Когда Гробовщик заговорил с ним, Максим тоже не испугался, мало ли странных ребят у них в школе учатся, а этот может вообще новенький. Но вот когда тот у него на глазах растворился в воздухе Максим долго не мог придти в себя. Все стоял посреди пустого коридора и тяжело дышал.

Синего Крокодила он тоже не сильно испугался, хоть тот и был под три метра ростом. Но он появился во время урока в классе, и Максим увидев, что все спокойно сидят и пишут упражнение по русскому языку, а не вопят и не пытаются сбежать, сумел подавить вырывающийся крик ужаса. К тому же Крокодил заговорил с ним довольно доброжелательно.

Страх пришел позднее, когда он понял, что это не единичные случаи, и что у него начались настоящие глюки. Вот тут он испугался по настоящему. Болен ли он? Что с ним будет дальше? Он сильно переживал по этому поводу, но набрался смелости и рассказал родителям о своих «гостях». Те первым делом спросили про наркотики, отец даже попросил показать вены на руках. Потом его потащили по врачам. А призраки не исчезали. Те таблетки, что выписали психологи и психиатры тоже не дали эффекта. Сначала Максим послушно принимал их и от этого ходил все время вялый и сонный. На уроках постоянно клевал носом и ничего не понимал из объяснений учителей. С трудом делал домашние

задания. Когда он понял, что дальше так он уже учиться не сможет, то бросил пить успокаивающие и транквилизаторы. Он и без них быстро уставал, днем после школы почти всегда спал пару часов. Настроение оставалось подавленным и часто накатывал депрессняк.

К доске вызвали Настю Архипову. Максим с тоской смотрел на нее. И вдруг она обернувшись, перехватила его взгляд. Он конечно тут же опустил глаза, но все же ему показалось, что на миг она посмотрела на него с сочувствием. А она продолжила решать пример у доски.

–Кхе-кхе, – раздалось слева, со свободной парты. Болотова и Марьяненко заболели и стол слева от Максима пустовал. Уже по этому кашлю Максим понял с кем он сейчас будет говорить. Конечно он мог бы не оборачиваться, уткнуться в тетрадку, но сейчас ему стало как-то все равно. Только говорил он шепотом, чтобы учительница не сделала ему замечание, и одноклассники не смеялись. Он повернул голову, словно хотел посмотреть на свинцовые тучи за окном, но сам равнодушно оглядел чудовище, спокойно сидящее в классе. Стул ему казался наверно маленькой табуреткой и был не очень удобен.

–Привет, – прошептал Максим, он еще давно заметил, что как бы тихо он не говорил призраки всегда слышали его. Он решил – это еще одно доказательство, что видит он собственные глюки, а не реальных призраков.

–Здравствуй, – вежливо поздоровался Синий Крокодил и

выпустил из трубки клуб дыма, после чего словно продолжил прерванный разговор, – а у меня что-то сердце опять прихватило... Наверно от погоды, не люблю я когда так пасмурно и холодно.

–А может курить надо меньше? – Максим отчего-то испытывал симпатию к этому призраку, Гробовщику он никогда не говорил ничего подобного, правда тот никогда не жаловался на здоровье.

–Яблочка бы скушать, но не сезон, – печально вздохнул призрак.

–На рынке всегда сезон, любые есть – красные и зеленые, были бы деньги, – возразил Максим.

–Да мне не такие... мне другие нужны, ваши я есть не могу. Сам ведь должен понимать, – с грустью в голосе ответил Синий Крокодил.

–Извини, призрачных яблок у меня нет, – без всякого сочувствия ответил Максим, разговор ему уже стал надоедать, он то смотрел на Настю, то косился на призрака.

–Не призрачных, а из Междумирья... я ведь там обитаю, сюда только в гости захоживаю, – объяснил призрак.

–Где же это Междумирье находится? И зачем ты сюда приходишь? – Максиму еще ни разу не удавалось получить ответ, зачем к нему приходят призраки. Они всегда уходили от этого вопроса.

–О Междумирье тебе лучше Гробовщик расскажет, – с охотой ответил Синий Крокодил, – а то у меня плохо полу-

чается, ну короче... это... между тут и там.

–Ну здорово, а главное точно, – не смог не усмехнуться Максим.

–А прихожу я потому что скучно! И кроме тебя тут в общем-то поговорить не с кем, не все могут видеть нас. Но нельзя нам в вашем мире долго находится, вот и приходится обратно возвращаться, – оживился призрак.

–Черемухин! – от окрика учительницы Максим вздрогнул, – что ты там все бормочешь себе под нос. Делать нечего? Иди решай пример вместе с Архиповой.

Максим встал и покорно побрел к доске, но все же успел прошептать с укором:

–Помог бы, я же за примером не следил.

–Извини, – грустно ответил Синий Крокодил, – в математике или что тут у вас за наука, я слабоват. Вот в языках – пожалуйста. Латынь, древнегреческий, египетские диалекты, их я очень хорошо знаю.

У Архиповой как раз закончился мелок, и оставался только один большой прямоугольник. Максим попробовал разломить его руками, но сил не хватило. Что делать он не знал. Второго мелка у доски не было, это он хорошо знал, в их школе на всем экономили. Настя выжидающе смотрела на него, и он чувствовал, себя так неловко, что готов был сквозь землю провалиться. Отдать его ей, но тогда чем самому писать?

–А ты его об доску, – посоветовал Синий Крокодил, – сра-

зу сломается.

«Как это я сам не догадался?», – удивился Максим и легко расколол мел о выступ классной доски. Половину отдал Насте, а сам стал бегло просматривать пример. В алгебре Максим разобрался довольно хорошо. В последнее время он конечно стал учиться хуже, это касалось всех предметов. Но вдвоем с Настей они быстро «добили» пример под замечания учительницы.

На большой перемене после завтрака Максим поднялся на второй этаж, он решил зайти в библиотеку. Их школа представляла собой старое четырех этажное здание со множеством лестниц и коридоров, некоторые из которых заканчивались тупиком. Строилась она явно не как школа, говорили, что раньше это было то ли госучреждение, то ли какая-то военная контора. Здание, похожее на крепость, послевоенной постройки с толстыми кирпичными стенами и широкими подоконниками. Но лет десять назад в школе провели капитальный ремонт и сейчас она выглядела очень даже современно. Линолеум, который постелили на старый паркет глушил шаги, в пустом коридоре, освещенном светом из кабинетов доходившем сюда сквозь маленькие окошки под потолком. Люминесцентные лампы здесь сегодня не включили, было мрачновато. Около библиотеки в стене привычно белела ниша, в которой когда-то стоял на постаменте бюст Ленина, потом его убрали вместе с постаментом. А ниша осталась. Иногда ребята баловались изображая там какую-ни-

будь скульптуру в карикатурной позе пошешнее. Но сейчас там стояла вроде бы настоящая статуя. Однако Максим почувствовал, что это не камень. Или кто-то шутит, или что похуже. Белый балахон с надвинутым капюшоном не позволял разглядеть лица изваяния. Высотой статуя была с Максима, но у него почему-то сложилось впечатление, что тот кто выдавал себя за статую согнулся и скрючился, чтобы казаться меньше ростом. «Так и есть, призрак», – подумал Максим, белый балахон казался серым и гипсовым, ни единого движения, никто так пошутить не мог. Он еще надеялся, что это глупый розыгрыш, когда подходя, издали заметил фигуру в нище, но теперь сомнений не оставалось, и он решил просто не обращать на нового призрака внимания. Чем меньше призраков будут являться к нему, тем лучше. Он просто пойдет вперед, словно ничего не заметил. Но у фигуры под балахоном похоже были совсем иные планы. Когда Максим поравнялся с ней он услышал низкий старческий голос:

–Ну что, не пора ли точить косу?

Максим остановился, поняв что разговора не избежать, но смотрел прямо перед собой. Он все же немного боялся – слишком мрачная обстановка вокруг.

–Если статуи начинают разговаривать, то дело совсем плохо, – вполголоса сказал он сам себе. И резко развернулся к призраку. Это была Смерть. Она действительно согнулась и теперь медленно распрямлялась, становясь все выше. Под полами балахона как дым колебался непроглядный мрак.

–Ты пришла за мной? – невольно поежился Максим, ему стало совсем страшно. Теперь призрак возвышался над ним, но продолжал становится все больше.

–Нет, – усмехнулась Смерть, выходя из ниши, – просто пришла навестить старого знакомого.

–Что-то я не припомню, чтобы мы виделись, – сглотнув появившийся комок в горле ответил Максим. Он смог побороть свой страх и теперь открыто смотрел на безглазый череп, который впрочем очень хорошо передавал мимику «лица», словно был сделан из резины.

–А ты смелый... всегда был смелым, – усмехнулась Смерть, теперь она достигла потолка. Максим невольно отступил на шаг назад.

–Если ты не мой глюк, – с вызовом спросил он, – то ответь, что там, после тебя происходит? Рай, ад, реинкарнация?

–Во-первых! – голос Смерти стал греметь на весь коридор, – я не такая простая как вы люди себе это представляете. Я намного сложнее. Вы не понимаете собственной жизни, а хотите понять меня?!, – она сделала паузу, и уже тише продолжила, – что касается твоего вопроса, то я отвечу на него. Все зависит от человека и обстоятельств.

С этими словами призрак Смерти растворился в воздухе, оставив стоять испуганного и удивленного Максима посреди пустого коридора.

Он постоял немного в растерянности, обдумывая слова призрака Смерти. Потом, вздохнул, и решив не забивать себе

голову, спокойно открыл дверь и вошел в библиотеку. Взяв пару нужных книг для внеклассного чтения, Максим пошел к кабинету физики, где должен начаться следующий урок. Большинство одноклассников еще не вернулись из столовой, где скорее всего стояли в очереди в буфет, покупая что-нибудь вкусненькое, поэтому холл, в который выходили двери классов был почти пуст. Несколько ребят из младших классов что-то увлеченно обсуждали, а потом со смехом побежали в коридор. Несколько мальчишек и девчонок стояли у двери класса физики, Машенко что-то рассказывал. Максим огляделся и тяжело вздохнул, настроение и без того плохое еще больше ухудшилось. Сидя на батарее, около окна его уже дожидался Гробовщик. Но что хуже всего рядом с ним, опершись на подоконник и естественно не видя Гробовщика смотрела в окно Настя. Максим круто развернулся и подошел к группе одноклассников.

– Может все же подойдешь? Мне тебе кое-что сказать надо, – довольно резко окликнул его Гробовщик. Максим сделал вид, что не заметил его реплики.

– Ты ведь сегодня Смерть видел, – не унимался Гробовщик, – не хочешь узнать побольше? Например, где ты ее раньше встречал?

От последнего вопроса Максим вздрогнул. Он медленно подошел к окну и робко, запинаясь попросил Настю.

– Слушай, перейди к другому окну или вообще отойди..., – убедительную причину своей просьбы он никак не

мог придумать, правду же говорить побоялся, поэтому после паузы агрессивно выпалил, – лучше вообще катись отсюда!

–А вот возьму и не уйду! – рассердилась Настя, – сам катись!

«Ну вот что теперь делать?», – задумался Максим. Настя меж тем с вызовом смотрела на него. Максим опустил голову:

–Насть, отойди пожалуйста, а то глюки у меня опять. И я с этим глюком поговорить хочу. Надо мне это... понимаешь? – тихо сказал он, глядя в пол. Ярость в глазах Насти мгновенно потухла, она тоже опустила голову.

–А можно я все же здесь постою..., – робко попросила она, – ты не бойся я никому не скажу. Я тайны хранить умею.

–Ты смеяться будешь, – неуверенно начал протестовать Максим, – и к тому же ты не будешь слышать что говорит глюк.

–Ничего, я так просто постою, ты на меня внимания не обращай, – быстро сказала Настя, – говори, не стесняйся.

–Хорошо, – кивнул Максим, – только встань справа, а то ты как раз между мной и Гробовщиком стоишь, – Настя быстро и молча выполнила его требование, мельком взглянув на то место, как показалось Максиму с некоторым страхом.

–Ну что разобрались в своих отношениях? – с ухмылкой спросил Гробовщик, сейчас он был похож на обычного старшеклассника.

–Ты хотел мне рассказать, о том где я раньше встречался со Смертью, – напомнил Максим, садясь рядом с ним на батарею, говорить он старался тихим шепотом, и при этом смотрел себе под ноги, чтобы одноклассники не обращали внимания.

–А ты всего лишь об этом? – притворно усмехнулся Гробовщик, но сразу же стал серьезным, как только начал свой рассказ, – тебе тогда лет пять было. Дома один остался. Стало скучно, вот ты и взял бабушкину брошку и сунул ее в розетку. Тебя конечно током ударило. Двести двадцать вольт это не шутка. Сердце остановилось. Ты упал на пол. А в другой руке точилку сжимал. Импортная, красивая такая, чтоб карандаши затачивать и перочинные ножики. Ты и сам не понял, что произошло, может поэтому несколько не испугался. Встал и глазеешь на свое тело. Вот тут Смерть к тебе и явилась, чтоб с собой забрать. Точилка была твоей любимой игрушкой. Ты возьми да и ляпни: «Хотите бабушка я вам косу заточу?». Ты ее совсем не боялся. Смерть засмеялась и говорит: «Ну чтож, заточи, если сам вызвался», и лезвие тебе прямо к горлу протянула. А ты аккуратно, но с силой провел своей точилкой по лезвию. Понимаешь, ты искренне захотел заточить косу Смерти, поэтому к тебя это и получилось. Смерть тогда расхохоталось: «Спасибо, мальчик, иди-ка ты обратно. Потом встретимся». И снова у тебя сердце забилося. Ожил короче. Вот собственно и все. Очнулся ты лежащим на паркете, на руке конечно ожог остался, но ро-

дителям ты ничего не сказал, а брошку спрятал. А потом и вовсе все забыл.

Призрак замолчал. А Максим вспоминал. Он конечно помнил какие-то отрывки из рассказанного ему Гробовщиком, но они всегда казались ему его детскими снами и игрой воображения. Точилку он хорошо помнил, и как потерял ее в третьем классе тоже. Бабушкину брошку в виде бабочки, сидящей на булавке, с оплавленной заколкой даже вспоминать не пришлось, она до сих пор где-то валялась в ящиках его письменного стола. Теперь Максим вспомнил как засунул ее в розетку, и появившуюся фигуру в белом балахоне. Сверкающее лезвие и как он проводил по нему точилкой. Все встало на свои места. Воспоминания ожили и вернулись.

–Так это поэтому у меня глюки... или все же призраки, – рассуждал сам с собой Максим, шепча, – но почему они появились только сейчас?

–Время, понятие тоже сложное, – ответил на его вопрос Гробовщик.

–А как ты умер? – в упор спросил его Максим.

–А тебе не все равно? – усмехнулся Гробовщик, – важно, что я всегда был Гробовщиком, сначала учеником, потом подмастерьем, сейчас недавно мастером стал. Ладно, мне пора, а то на нас обращают внимание, вернее на тебя и на нее, – он показал рукой на Настю. Максим невольно оглянулся в направлении, которое он указал, а когда повернул голову обратно, Гробовщик уже пропал. Он посмотрел в сторону од-

нокласников и сразу почувствовал на себе ехидные взгляды девчонок, да и Сашка тоже довольно неприятно улыбался. Максим испугался что сейчас покраснеет. Он понял – все решили, что он разговаривает, причем не просто разговаривает, а шепчется с Архиповой, словно обсуждая какие-то свои секреты. Настя это тоже поняла и тут же отошла к подружкам. Максим отвернулся и стал смотреть в окно, сейчас ему больше всего хотелось провалиться сквозь землю. Кто-то хлопнул его по плечу. Вздвогнув Максим оглянулся, рядом стоял Сашка.

–Ты о чем с Архиповой шептался? – бесцеремонно спросил он.

–Я не с ней шептался, – осунувшись ответил Максим, – призрак приходил. Говорил, что один раз я уже умирал, вернее не умирал, а встречался со Смертью. Я ее сегодня видел, она со мной здоровалась как со знакомым, а Гробовщик объяснил почему.

–А-а-а, – со скукой в голосе протянул Сашка, истории про призраков, которые видит Максим ему уже стали неинтересны, – а я думал тебе Архипова нравится и ты к ней подкатываешься. Знаешь, что на той неделе, Жукалин ее на дискотеку в Детский досуговый центр пригласил?

–Круто, – равнодушно ответил Максим, но сердце его бешено забилося, – и что?

–А ничего, Архипова послала его подальше. Он ведь до этого, ее же подружке свою любовь предлагал, та согласи-

лась, они гуляли вместе, Жукалин вроде хвастался что целовался, но по моему врет, а потом он ее бросил и на Настьку переключился, – Сашка как и многие в классе недолго любил Жукалина.

– Дорого это наверно стоит... Я в рекламе по телеку видел, что там все есть: и компьютерный зал, и дискотека, и кафе, – равнодушно протянул Максим, внутри облегченно вздохнув.

– Да, на дискотеку в Досуговый центр – это круто, там один входной билет пятьдесят рублей стоит, значит на двоих – сто. А про цены там на колу и чипсы я вообще молчу, раза в три-четыре больше, чем в магазине, – продолжал Сашка, и сделав паузу сменил тему, – а Жукалин все-таки сволочь, надо бы врезать ему как следует, но ребят не соберешь. Но вот чего я не понимаю, так это девчонок. Ну умные его сразу отшиваю, интуитивно просекают, что он за чувак. А другие ведутся как последние дуры, ведь должны понимать, что через месяц ему надоест с ней и он за новой девчонкой ухлестывать будет. Гипнотизирует он их чтоли?!

– Гипноз тут не причем, – заметил Максим, – они может надеются что он именно на ней остановится, и еще наверно им льстит, что они кому-то нравятся. Особенно если им это напрямую говорят. А лапшу на уши Жукалин вешать умеет. Но, знаешь, каждый принимает решение сам и каждый за него отвечает.

– Ладно тебе философствовать, пошли на урок, – махнул рукой Сашка и они пошли в класс, заходя последними, вслед

за учительницей.

На последнем уроке мне совсем стало плохо, я просто вырубился. Не заснул, а именно вырубился – потерял сознание, как сказали бы врачи. Но этого никто не заметил, все писали контрольную, а у меня в глазах потемнело и я уронил голову на руку. Училка в это время проверяла домашние работы. Я оказался в странном сне, а может видении. На уроке труда мы делали гробы. Да-да, самые настоящие гробы, кто-то стругал доски рубанком, кто-то забивал гвозди, а некоторые и я в том числе уже обили гроб материей. Но самое интересное и непонятное – это то, что на месте учителя труда сидел Гробовщик. И еще наша одежда. На нас всех надеты плащи, в которые были вшиты перья. Черные вороньи перья. Мы были похожи на стаю воронья. Никто не зажег электрический свет и мастерская освещалась серой пеленой туч за окнами. Ко мне подошел Гробовщик и улыбнулся холодной неприятной улыбкой. Он всегда так улыбается.

–Ну что, – показывая на гроб, который я только что сделал, усмехнулся он, – молодец, быстро сработал и качественно. Придется тебя принять в подмастерья, ничего тут не поделаешь.

–Я не хочу в подмастерья, – выдавил я из себя, слова давались с трудом, словно в горле что-то мешало говорить, – и вообще я не хочу быть Гробовщиком.

–Во-первых тебя никто не спрашивает, – опять усмехнулся Гробовщик, и после паузы серьезно добавил, – а во вто-

рых Гробовщиком ты не будешь в любом случае. Место занято. Гробовщик – это же я, разве непонятно.

–Тогда зачем все это, – я медленно обвожу рукой занятых одноклассников, – что мы вообще делаем?

Гробовщик засмеялся, а потом ответил:

–Это всего лишь картинка, фантастическая иллюстрация к реальным событиям. После равнодушия следует зло и ложь, а за ними воронье и гробы. Была такая песня, ты ее слышал в детстве, но сейчас наверно забыл. Это тебе напоминание. Будь любим, но не равнодушным. Иначе все закончится вот этим, – и он хлопнул по краю гроба.

–Я не понимаю, – произнес я, – что это значит, какие события, ты хочешь сказать – я умру?

–Конечно, все мы в конце концов умрем. Ты разве не догадывался об этом? – рассмеялся Гробовщик. Тут меня кто-то сзади затряс за плечо. Сильно так затряс, я хотел оглянуться, но тут вся мастерская начала плыть и в конце концов куда-то провалилась.

Я очнулся. Меня трясла Настя.

–Чего? – не разобравшись и думая что это еще сон спросил Максим, непонимающе смотря вокруг, – что?

–Урок кончился Черемухин! Ты что, заснул? – громко ответила она, – все уже ушли, а до тебя не докричишься! Давай домой иди, а то мне еще в классе убирать надо.

«Да, все верно, она же сегодня дежурная», – вспомнил Максим, приходя в себя. На столе перед ним лежала недопи-

санная контрольная. «Двойка обеспечена, а хотя плевать», – равнодушно подумал он. Настя проследила за его взглядом.

– Не расстраивайся, – вдруг мягким, успокаивающим тоном сказала она, – исправишь еще. Не последняя это же у тебя контрольная.

– Я и не расстраиваюсь, – ответил Максим, смахивая тетрадку, учебник и дневник в свой школьный рюкзачок, – это ерунда. Бывает и похуже.

Он быстро пошел к двери класса, на пороге остановился в нерешительности, потом повернулся и быстро пробормотал:

– Спасибо что разбудила.

– Да не за что, – ответила Настя, но Максим уже скрылся за дверью.

Спустившись на первый этаж, он увидел, что в раздевалке никого нет. «Все верно, у старшеклассников еще один урок, а наши все уже разошлись по домам», – кивнул он сам себе, неприятная слабость вдруг захлестнула его и он помимо воли сел на лавку. Максим посмотрел по сторонам. Никого. Охранники видимо вышли покурить или просто ушли по своим делам, наплевав на дежурство. А напротив на лавке у окна его, как казалось, ждал Синий Крокодил.

– Сил нет, – первым на этот раз начал разговор Максим, – как будто болею, но это не простуда. Что со мной? А?

Синий Крокодил тяжело вздохнул:

– Я конечно не должен тебе этого говорить..., – нерешительно начал он, – но это как перед грозой... ну предупре-

ждение, что ли.

–О чем предупреждение? Что я с ума схожу? Это я уже понял, – в Максиме несмотря на слабость стал просыпаться гнев, – дальше что? Почему вы прямо никогда ничего не говорите?

–Потому что когда ты знаешь все наперед, то не сможешь ничего сделать, понимаешь? – быстро заговорил Синий Крокодил и закашлялся подавившись дымом, – «предсказанному – быть», слышал наверно. Просто будь готов принять решение.

–Думаешь это потребуется? – упавшим голосом спросил Максим, ему захотелось спать, – упекут меня в психушку и все дела. Никто даже спрашивать не будет. Я ведь слышал как поздно вечером отец с матерью об этом говорили.

–А ты не соглашайся! – раздался вдруг звонкий голос за спиной, Максим обернулся, хотя хорошо знал, кого там увидит. Настя, закончив уборку спустилась на первый этаж, собираясь домой. И застала его, говорящего с призраком. «Ну просто праздник», – подумал про себя Максим. Он обернулся к Синему Крокодилу, но на лавочке у окна уже было пусто. «Успел смыться», – устало подумал Максим, ему вдруг стало все равно: и что о нем будут думать, и что завтра скажет Настя в классе.

–Присядь рядом, – попросил он Настю, та, на удивление без всяких слов выполнила его просьбу. Она видела, что Максиму плохо и ей стало его жалко. А Максим меж тем

продолжал говорить, тупо глядя на то место, где минутой назад сидел Синий Крокодил.

–Силы кончились, «по нулям кислород и бензин», – процитировал он слова песни, услышанной по радио, – устал я что-то за сегодня... да и вообще устал от глюков этих... Ну что я им сделал? Приходят и говорят со мной, как будто им поговорить не с кем. Сегодня вот сказали, что я умирал уже, встречался со Смертью. И что самое противное – я это вспомнил. И точилку, и Смерть с косой. Завтра я в школу не приду. Пусть кладут в психушку. Мне уже все равно, слишком я устал от этого. Просто хочется хорошо выспаться, – замолчав Максим решил, что одно дело, он все же сделает, положил голову на плечо Насте. А там наплевать, пусть ругается или смеется, ему уже все равно. Но прикоснуться к ее плечу не получилось, на Максима накатила новая волна слабости, и он просто завалился набок, уронив голову Насте на колени. Он даже не успел ничего подумать, так быстро темная пелена забытья накрыла его. Но он все же успел на миг почувствовать виском ее мягкие шелковистые волосы.

Максим оказался в чистом светлом зале, где стены, распахнутые окна были сплошь завешены былыми, слегка колышущимися простынями. Ощущение света, чистоты, свежести и прохлады поразило его. Он сидел, поджав под себя ноги в центре этого зала, размером примерно с его класс. На нем надет легкий чистый ослепительно белый халат или балахон, в этом типе одежде он не разобрался, но очень удоб-

ный, а перед ним лежат три разноцветных японских меча. Рукоятки и ножны у которых помимо золотых узоров покрыты соответственно черной, красной и белой эмалью.

–Помните ли вы, когда в последний раз чувствовали? – Китайский Император стоящий у стены, с поклоном произносит эту фразу.

–Помню, – одними губами отвечает Максим, – в конце весны. В прошлом году, когда впервые влюбился. Я почувствовал все – как зеленеют деревья, как капает первый дождь, как гремит первая гроза. Я думал, что в этом году дотяну до нее, но..., – он посмотрел на мечи, – не получилось.

–Еще ничего не сделано, Ваше Величество, тем более – ничего не завершено. Простите за упрек, но вы рано подводите итоги, – Китайский Император опять поклонился Максиму.

–Что это за мечи? – спросил Максим, – почему их три?

–О, это я с удовольствием объясню вам, Ваше Величество, тем более, что вам предстоит сделать сейчас свой первый выбор – выбрать один из этих мечей, – Китайский Император замолчал, давая Максиму время повнимательнее рассмотреть мечи. Они совершенно одинаковые, только цвет эмали разный, Китайский Император продолжил, – первый меч – Меч Прошлого, если на человека давит прошлое или он просто недоволен им, то при помощи этого меча, он может отсечь его и жить дальше.

–Без прошлого нет будущего, – медленно покачал головой

Максим, – если у меня стереть память, кем я буду? Нет, это не для меня.

–Второй меч – Меч Настоящего. Он для тех у кого есть проблемы и кому надо их решить. Он для тех кто рвется в бой, таким этот меч поможет, – голос Китайского Императора становился громче.

–Вот это бы мне подошло, – замечает Максим, раздумывая, – проблем у меня много и я не знаю как их решать. Но я хотел бы сначала узнать о третьем мече.

–Это Меч Будущего. С его помощью человек, который боится или не верит в свое будущее может отсечь его...

–Что же это за человек без будущего? Я не понимаю, – перебил Китайского Императора Максим.

–Человек без будущего или сразу умирает, или, что чаще бывает, живет без пользы и без вреда, по отношению к другим людям

–Нет, я не самоубийца. Я выбираю Меч Настоящего, только вот что мне с ним делать? – с горечью спросил Максим, протягивая руку к мечу. Как только он коснулся его и сжимая ладонью поднял над полом, в комнате поднялся ветер, белая ткань начала колыхаться, а на солнце словно нашла туча. Свет из белого стал серым. Китайский Император молча серьезно посмотрел на него. Меч в руке становился все тяжелее, но Максим не опуская держал его перед собой, и вдруг налетает сильный порыв ветра. Максиму показалось, что зал начал крениться набок, он инстинктивно наклонился

в другую сторону и проваливается в темноту.

Проснулся он от ощущения тепла, а еще ему не хотелось открывать глаза. Так бывает когда приснится хороший сон, и хочется в него вернуться, но понимаешь что это невозможно. Максим приоткрыл глаза, одновременно приподнимаясь на локте. «Ого, ухитрился заснуть прямо на школьной скамейке, обтянутой дерматином, всегда кажущимся таким холодным. Стоп. Я укрыт курткой Насти, укрыт кусочком синего неба с облаками. Вот почему так тепло, а теплая и мягкая подушка под головой... Ой, – ее ноги. Хорошо, что я руку под подушку не положил по привычке, как обычно дома делаю, когда сплю», – подумал Максим. Он поднял глаза чтобы посмотреть на ее лицо. Настя застенчиво улыбнулась.

–Тебе плохо стало, ну я и укрыла тебя курткой. Сначала испугалась, хотела за медсестрой бежать, но потом вижу что ты вроде просто спишь. Устал наверно? К тому же контрольная сегодня...

Максим окончательно пришел в себя и ему сразу стало как-то неловко. Он выпрямился и сел. Потом молча аккуратно передал ей куртку.

–Спасибо, я согрелся, хорошо поспал, – вытянул из себя Максим. Их с Настей снова разделяла бетонная стена толщиной в тысячу километров.

–Она синтепоновая, – опустила глаза Настя, принимая куртку, – а тебя действительно в психушку хотят положить?

–Скорее всего это уже решенный вопрос, – мрачно ото-

звался Максим, – ничего другого не остается, – он встал, глядя в пол, – может увидимся еще... в следующем году, – Настя тоже встала и посмотрела на него своими большими, словно немного удивленными глазами с длинными ресницами. И Максим решился. Он поднял взгляд. Он хотел запомнить Настю вот такой, смотрящей прямо на него девочкой, стоящей совсем рядом на расстоянии вытянутой руки.

–Ну ладно, пока, – попрощалась Настя и направилась к выходу.

–Пока, – ответил Максим и шепотом добавил, – вряд ли увидимся.

Идя домой, у него было одновременно печальное и светлое настроение. А тут еще пошел снег и хоть на улице стало чуточку сумрачней, но как-то свежее. «В психушке, когда меня накачают всеми этими успокаивающими, и я буду все время спать, то мне обязательно приснится Настя. Я ее хорошо запомнил», – думал Максим, глядя на падающие белые снежинки.

«Жалко Черемухина, он конечно тихоня, но зато не наглый. А когда сегодня уснул прямо у меня на коленях, таким беззащитным казался, как котенок. Интересно, как это – видеть призраков? Я бы наверно испугалась, а он – ничего. Разговаривает с ними, словно они его старые друзья. Это конечно ненормально, но все-таки интересно», – Настя набрала код домофона и открыв дверь, зашла в подъезд.

Вечером Максим подошел к родителям, только что по-

ужинавшим на кухне, и напрямую спросил:

–Ну когда мне в дурак собираться? Лучше уж не тяните.

Мать отвернулась и стала мыть посуду. Максим понял, что она тихо плачет. Отец тяжело вздохнул.

–Знаешь, ты уже не маленький... сам решаешь, в общем мы без твоего согласия тебя никуда класть не будем. Вон, матери бабушку одну на работе посоветовали. Она берется лечить таких как ты. Знахарка и народная целительница. Многих вылечила, она не как те шарлатаны, что в газетах рекламу печатают. На выходных поедете. Но сам должен понимать, что ненормально это – глюки видеть!

–А может это и не глюки вовсе? – сам себе задал вопрос Максим и задумался, – может это призраки из другого мира и они реально существуют. Ученые ведь допускают существование параллельных миров.

–Ага! – кивнул отец, – а что же они к тебе прицепились, чем ты такой особенный? Почему например я их не вижу и не слышу?

–Мам, – вместо ответа Максим обратился к матери, – помнишь бабушкину брошку? – он бросился в комнату, схватил стул, потом с ним – в коридор, долго рылся на антресолях и наконец нашел коробку со своими старыми «ценностями», которыми он дорожил в детском саду и младших классах. Открыв ее он нашел то что искал, серебряную брошь с оплавленным держателем. Держа ее на ладони, он подошел к родителям.

–Помните?

–Конечно, – ответила мать, – ее тебе бабушка на пятилетие подарила.

–Ну конечно, – подтвердил отец, – незадолго до смерти.

–Видите булавка оплавлена? – продолжал Максим.

–И что? – пожал плечами отец, – в костер кидал чтоли? Или переплавить над газовой горелкой хотел?

–Нет, – хрипло ответил Максим, – я засунул ее в розетку и меня током ударило. Да так, что сердце остановилось! Появилась Смерть и ко мне подошла, а я ей предложил косу наточить и наточил! У меня была такая красивая точилка, которую ты пап привез и мне подарил.

–Ну и это помню, – кивнул отец, – вип-подарок для начальства, мне-то случайно отдали. Вот я тебя и порадовал.

–Погоди, – прервала его обеспокоенная мать, – ты говоришь что у тебя сердце останавливалось. Как такое могло случится? Почему мы не знали?

–Потому что оно у меня снова забилось, Смерть так распорядилась. Что, еще не поняли? Я уже умирал один раз! Но причем тут призраки я понять не могу. Многие же клиническую смерть пережили. И ничего, живут, никакие глюки или призраки им не видятся, – Максим понял, что сам себя поставил в неловкое положение. Ответа на свой же вопрос он не знал.

–Так почему ты ничего тогда нам не сказал? – продолжала настаивать мать.

–Боялся, – пожал плечами Максим, – думал ругать будете сильно. А так вроде все обошлось. Потом вообще забыл. Я же не понял, что тогда умер, а потом ожил.

–Ладно, хватит, – закончил разговор отец, – телек долго не смотри, чтоб пол-одиннадцатого в кровати лежал. А насчет больницы не волнуйся, может эти твои видения сами собой пройдут.

Максим не стал отвечать, он просто вышел из комнаты. Телек он смотреть не стал, просто сидел за столом и разглядывал старую серебряную брошь, которую ему подарила бабушка. Женская брошь – вроде совсем ничемный подарок, но она обладала каким-то внутренним теплом, Максим чувствовал это. Бабочка, раскрыв крылья сидела на круглой головке булавке. Он подумал, потом решительно положил брошь в карман. Эх, если бы у него хватило смелости подарить эту брошь Насте. Впрочем подарить – это полдела, главное, чтобы Настя поняла, что это серьезный подарок, а не просто безделушка. Наконец наступило время ложиться спать. Максим разделся, погасил свет и забрался под одеяло. Но заснуть ему никак не удавалось, он все переживал прошедший день и вспоминал все подробности «близкого контакта» с Настей.

–Ну вот и дождались! – раздался в тишине комнаты негромкий голос. Максим от неожиданности вздрогнул, несмотря на то что голос узнал. В кресле у окна вольготно расположился Гробовщик. Небо этой ночью очистилось от

туч и ярко светила луна. В лунном свете Гробовщик смотрелся совсем не призрачно, но приятней от этого не становился. Белые кисти рук, темень костюма и очков создавали мрачноватое впечатление. Он привычно затянулся сигаретой и выпустил струю дыма, который в лунном свете казался темно-синим.

–Ну кури здесь, – поморщился Максим, привставая на постели.

–Настало время принимать решения, – усмехнулся Гробовщик, – ну что подмастерье, хватит духу стать даже не мастером, а повыше? Или психушка тебе больше нравится? Ты только представь – полное спокойствие и отсутствие любых чувств.

–Ты о чем? – не понял Максим, – что за чушь несешь?

–Я о том, что часы пробили, настало твое время, – засмеялся Гробовщик, – но ты молодец, меч правильно выбрал.

–И что мне теперь делать? А? У меня меча нет, а если бы и был, то я драться на мечах не умею. Ты вроде не дурак, должен соображать, – с укором сказал Максим, он действительно не понимал о чем говорит сейчас Гробовщик.

–Меч – это всего лишь символ. Символ принятия решений. Самое важное – желания и решения, а меч – кусок железа, главное – в самом человеке, – ответил на этот раз задумчиво Гробовщик, – понимаешь, для тебя все только начинается, но не сбейся с пути и не трусь. А там видно будет.

–Вот за что я вас призраков не люблю, так это за ваши на-

меки, а напрямик сказать не можете! – рассердился Максим.

–Напрямик?! Во-первых рассказывать все напрямик неинтересно, а во-вторых опасно, – строго ответил Гробовщик, – ты лучше спи давай. Завтра у тебя будет тяжелый день. Вот это я тебе прямо и наверняка говорю, можно сказать гарантирую.

–А ты что так и будешь здесь сидеть? – спросил в ответ Максим, он почувствовал надвигающуюся сонливость и зевнул.

–Да, посижу немного. Когда еще выдастся минутка отдохнуть? В кресле расслабится, покурить... Но ты спи, не обращай внимания, а я тебе хорошие сновидения пригоню, мне это легко, раз плюнуть, – улыбнулся Гробовщик, но Максим поежился от этой его холодной улыбки, – выспаться тебе надо хорошо.

–Годится, спокойной ночи Гробовщик, – решительно сказал Максим, и отвернулся к стенке, закрывшись чуть ли не с головой одеялом. Про себя он подумал, что хочет во сне увидеть Настю.

–Это у тебя она будет спокойная, – вздохнул Гробовщик, – а у меня..., – продолжать он не стал и замолк. Максим сам не заметил, как мгновенно уснул.

Настя ему приснилась, но это был не приятный сон, а скорее кошмар. Максим оказался в большом темном коридоре со множеством дверей, освещаемый тусклым серым светом идущим откуда-то сверху. С одной стороны коридор с дверь-

ми, с другой – лестница с пролетами, уходящая вверх и теряющаяся в темноте. А между ними – маленький промежуток, не больше пяти метров в длину. Стены из некрашеного бетона. В нем стоят две лавки, точно такие же как в школе, на одной из которых он заснул сегодня днем. Настя сидела напротив него, закутавшись в простыню, подняв от пола босые ноги. А на нем – обычная одежда, в которой он ходит в школу. Максим молчит, смотрит на Настю, не зная что сказать.

–Максим, где это мы? – вдруг спросила его Настя.

–Наверно в моем сне, – пожал плечами Максим, но ему как-то не по себе, он понимал, что это сон, но сон особенный, а вот чем особенный, он сказать не мог, – интересно, может это нам вдвоем снится? – он сделал попытку неловко улыбнуться.

–Если снится, то только тебе, – серьезно ответила Настя, и сглотнув добавила, – теперь я знаю, что такое видеть призраков.

–В смысле? – не понял Максим.

–Так ведь ты и есть призрак. Полупрозрачный, как будто состоишь из разноцветного дыма, – ответила Настя.

Максим со страхом оглядел себя – нет, вроде все нормально.

–Ты ошибаешься, я не призрак, – слова Насти немного обидели его, он встал, чтобы подойти и дотронуться до нее, доказать, что реален, но Настя поняла его иначе.

–Ты только не уходи. Побудь здесь еще, а то мне страшно.

Я не знаю, что делать, куда мне идти? – умоляюще попросила она. Максим хотел ответить, что никуда не уйдет, сесть рядом и успокоить ее, но не успел. Из коридора раздался громкий голос:

–Иди куда хочешь! – по коридору к ним шел Гробовщик, – время и расстояние здесь не имеют никакого значения, важны лишь поступки, – звук его шагов гулко отражался от стен, он улыбнулся Максиму, – ну что теперь понял, каково это – быть призраком?

Максим почувствовал, что его начинает уносить из этого мрачного коридора вверх.

–Гробовщик, помоги ей! Пока я не вернусь, – успел прокричать он, хотя сам не понимал куда он обещает вернуться, – Настя, жди меня здесь!

Неведомая сила утащила его вверх и он проснулся.

Приподнявшись на локте, Максим первым делом взглянул на часы. Полвосьмого. Часы он всегда заводил на восемь. Конечно можно еще полчаса поспать, но спать Максиму больше не хотелось. Он лежал в полумраке комнаты, погода сегодня осталась такой же как вчера – сырой и пасмурной. Максим раз за разом вспоминал этот яркий приснившийся ему кошмар. От сна осталось чувство тревоги, желание куда-то бежать и что-то делать. Но куда и что – Максим разумеется не знал. «Впрочем, если я вижу призраков, стоит ли удивляться, что мне снятся такие реальные кошмары», – решил он, и еще раз посмотрев на часы, откинул оде-

яло, встал и начал одеваться. Сегодня он решил собраться в школу пораньше.

В школу Максим пришел одним из первых.. Он успел бросить рюкзак у кабинета истории, как внезапно на него чуть не налетел Ванька Бугаев. Максим еще успел удивиться, что тот пришел тоже так рано.

–Слышал?! Архипова под машину попала! – поспешил поделиться он новостью. Максим стоял ошарашенный этой фразой, смысл слов Бугаева медленно доходил до него.

–К-к-когда? – слова неожиданно стали застревать в горле.

–Да вчера еще! Она видно, как и я, в магазин пошла за продуктами. А меня маманя послала хлеба и масла купить. Ну вот подхожу я значит к перекрестку, а там толпа, менты и скорая. Я протиснулся, чтобы узнать что случилось, а Архипову как раз в машину «скорой помощи» загружали, на носилках. И не простой «скорой» – реанимации. А на асфальте кровь, и пакет полиэтиленовый, разорванный, из него всякие продукты повываливались и по дороге разлетелись. Ну прям как в фильме ужасов, – возбужденно рассказывал Ванька. Максиму стало плохо. Откуда-то снизу стала подступать тошнота. Ванька слыл первым сплетником в классе, его хлебом не корми, а дай рассказать кто что делал и где кого видели. Он был в курсе всех новостей, а сейчас был ужасно горд, что стал чуть ли не участником такого важного происшествия. Настю ему было почти не жалко, она для него – всего лишь действующее лицо автокатастрофы.

–Машина, которая ее сбила не иномарка, а обычная девятка, только в толпе говорили, что водитель встельку пьян. Разогнался и поехал на красный, а Архипова в это время дорогу переходила, наверно не успела заметить и отскочить, – начал уже предполагать Ванька. Ладони Максима стало трести мелкой противной дрожью. Чтобы Ванька этого не заметил, он засунул руки в карманы. Теперь до него стал доходить смысл ночного кошмара.

–И г-где она с-сейчас? – заикаясь, задал он глупый вопрос. Но Ванька не заметил его состояния.

–Известно где – в больнице! – хмыкнул он. Максим ничего не говоря отошел к окну, его мутило. Постепенно холл стал заполняться, приходившими учениками в том числе и из их класса. Ванька тут же подошел к ним и стал пересказывать новость, добавляя от себя все больше и больше подробностей.

Из ступора Максима вывел только звонок на урок. Он взял свой рюкзачок и направился вместе со всеми в класс. Урок проходил необычно долго и скучно. Если раньше Максиму хотелось, чтобы призраки исчезли, то теперь он хотел чтобы появился хотя бы один. Он бы спросил у него где сейчас Настя. И прав ли он насчет своих мыслей о сегодняшнем ночном кошмаре. Но призраки не появлялись. А еще Максим очень хотел узнать как можно больше о состоянии Насти. Как она, сильно ли ушиблась? Но спрашивать не у кого. Одноклассники знали не больше его, а ее домашний телефон он

не помнил. Можно было бы конечно спросить «классную», но он боялся это сделать. «Ну спрошу, а дальше что? Позвонить ее родителям? Им не до меня, одноклассника, о котором они никогда не слышали. Вряд ли станут вообще разговаривать. Жива она или нет, я узнаю завтра, ее подружки это узнают и разболтают всему классу. А так, что я могу сделать – я же не врач», – размышлял Максим, глядя на расплывающиеся перед глазами синие линии тетрадки. Мысль о том что Настя могла умереть он гнал подальше, стараясь об этом вообще не думать. Последний год, мысли о том, что она где-то есть и он обязательно увидит ее снова, согревала его даже в самые плохие моменты. «Как же я без нее? Нет, даже если меня положат в психушку, то я все равно буду знать, что она здесь и мы все-таки может когда-нибудь увидимся. У меня всегда была эта надежда – увидеть Настю. Но если она исчезнет...», – Максим оглядел класс. Ему вдруг показалось, что из класса откачали воздух и дышать нечем. Пустота, вакуум, где нет ничего, и где человек жить не может. Максиму показалось, что задыхается и он часто задышал. Полная безнадежность и апатия сменились яростью. Максим сжал кулаки, да так сильно, что шариковая ручка которую он держал – сломалась пополам.

–Ну, призраки! – прошептал он, – покажитесь! Хоть один, любой... я хочу знать!

–Не беспокойтесь Ваше Величество, – раздался в ответ спокойный голос Китайского Императора, – все наладится и

образуется, как говорят наши мудрецы. Но дальше это большей частью будет зависеть от вас.

Призрак вежливо поклонился, стоя у классной доски.

–Что мне делать? – снова прошептал Максим, – я хочу знать, жива ли Настя? Что с ней?

–Что вам делать? Увы, я не могу вам посоветовать, так как вы хозяин своих поступков, а насчет этой девочки, вы сейчас узнаете, – спокойно ответил Китайский Император. Словно в ответ на его слова раздалась трель мобильного у одной из девчонок.

–Наташа, ну сколько раз я просила выключать эти ваши сотовые телефоны, когда вы на уроке! – резко сказала Ольга Михайловна, учительница истории.

–А это насчет Насти. Я просила маму позвонить, когда выяснится, как себя Настя чувствует, – нашлась Наташка, хотя еще не успела посмотреть на номер звонившего абонента. Но звонок был действительно от ее матери. Ольга Михайловна тяжело вздохнула, звонки мобильных учеников часто ее раздражали.

–Ладно, выйди в коридор – поговори, – разрешила она, ей тоже хотелось знать, что с Архиповой, одной из ее любимых учениц в этом классе. Наташка Казанцева мигом выбежала из класса. Максим напрягся, руки похолодели и снова стали дрожать. Через пару минут она вбежала в класс и прокричала:

–С Настюхой все в порядке, в реанимации она!

Максим не смог сдержать вздох облегчения. Значит жива, значит появится, вернется. Стало очень легко на душе и он улыбнулся. Даже если его положат в психушку, он вылечится и вернется. И вновь увидит Настю.

–Ты это... не радуйся..., рановато, – дальше последовал кашель. Максим бросил взгляд через плечо – Синий Крокодил, кто же еще может так кашлять. Сидит на свободной парте у окна и курит трубку, – реанимация это не подарок, продолжал призрак, – считай одной ногой тут, а другой там. Туда просто так не положат.

–Но ведь она жива, – прошептал Максим.

–А это как сказать, – Синий Крокодил с тоской посмотрел в окно, – одно тебе могу сказать. В сознание она не приходила, больше ничего не спрашивай, ни меня, ни других. Хватит, самому пора мозгами шевелить и учиться собирать информацию. Но я думаю ты справишься, – и он растворился в воздухе.

Максим почувствовал неясную тревогу. Весь день и вечер призраки не приходили к нему. Это еще более усилило его беспокойство. Из головы не выходили слова Синего Крокодила: «Одной ногой тут, а другой там». А на завтра его ждало новое известие. Придя утром в школу позже обычного, потому что проспал, он застал бурное обсуждение одноклассниками состояния Насти. Главным рассказчиком был Ванька Бугаев. Начала рассказа Максим пропустил, но так как Бугаев любил рассказывать медленно и с подробностями, то

самое главное он узнал.

–...Ну так вот звонит моя мамаша матери Насти и спрашивает, может чем помочь надо. Я по параллельному подслушиваю, тихо как мышь сижу. Оказывается Архипова в коме. И в себя не приходит, хотя вроде все нормально. Как там говорил ей врач... «внутренние органы не повреждены».

–Так она спит чтоли? – задал вопрос нетерпеливый Назарин, – ну как Гоголь в свое время уснул, его и похоронили.

–Да не, кома это совсем другое, – недовольно отмахнулся от него Бугаев, – это и искусственное дыхание, и кормят ее как-то через капельницу. В общем почти труп, но жить может, – тут Ванька сделал паузу и тяжело вздохнул, – самое скверное, что ее в больнице больше двадцати одного дня держать не будут. Дорого это – в такой коме жизнь поддерживать. Сказали максимум месяц, а если не очнется, то или пусть сами платят или..., – он хмыкнул и опустил глаза, – забирают домой.

–А много платить? – спросила Ира Морковцева.

–Тысяча двести рублей в сутки и это не считая лекарств, капельниц и так далее. Родителям Насти такие деньги не потянуть, они сейчас всякие благотворительные организации обзванивают. Помощи просят, но у тех тоже денег нет, или не дают, – объяснил Бугаев, – моя мамаша тоже подключилась, но толку ноль. Сегодня вот деньги дала и свечку сказала в церкви поставить «во здравие».

–Я с тобой пойду, – решительно произнесла Морковце-

ва, – тоже свечку поставлю.

–И я, – отозвалась Наташка. До Максима только сейчас стал доходить страшный смысл слов Бугаева. «Двадцать один день, а потом...». Ему стало плохо, лица одноклассников стали расплываться, голоса доносились откуда-то изда- лека. Он все же он сконцентрировался, сжав до боли кулаки.

–Погоди, – хрипло сказал Максим, обращаясь к Бугаеву, но смотря в пол, – они не могут ее оттуда просто так выки- нуть. У нас же всех есть эта самая... как ее... карточка со- циального страхования. По ней бесплатно лечить обязаны.

–Вот и лечат бесплатно месяц, а там как хочешь, – по- жал плечами Ванька, – ведь в коме можно годами лежать, сколько фильмов про это видел. Лежал мужик в коме, а че- рез несколько лет очнулся.

–Так это кино, – одернула его Морковцева, – ты не путай Голливуд с жизнью. Человек в коме, все равно что растение. Да и вроде разные они, эти комы бывают.

Максим отошел от одноклассников и оперся плечом о сту- ну. Его слегка мутило, но это состояние быстро прошло. Го- лова начала проясняться, а мысли приобрели четкость. Когда прозвенел звонок и класс стал заходить в кабинет, то Мак- сим вдруг подхватил свою сумку и чуть ли не бегом бросил- ся по коридору к лестнице.

–Черемухин, ты куда, а урок? – услышал он вслед голос учительницы.

–В задницу уроки, – негромко ответил он, но его никто

не услышал. Ему сейчас нужен был один человек – его двоюродный брат. И где его найти, Максим знал. Тот работал в больнице, врачом-хирургом.

Мой двоюродный брат странная личность. Он на двенадцать лет старше меня, то есть почти ровно вдвое, на этот год. Когда он был старшеклассником, то увлекся всякими восточными учениями, даже изучал восточные единоборства. Но это увлечение продлилось короткое время и конечно хорошо драться он так и не научился, зато увлекся восточной философией и другими сходными теориями, у него до сих пор две полки книжек и брошюр стоят. Помню приходил я к нему с родителями. Те естественно свои разговоры ведут, а мы в его комнате сидим, он мне всякую занудную музыку ставил, и палочки зажигал. Вообще дым стоял коромыслом. Соседи однажды пожарных вызвали, испугались, подумали, что где-то загорелось. От этого дыма у меня начинала болеть голова, а брат к тому же начинал толкать всякие заумные речи о медитации и прочем. Правда была одна приятная вещь в нашем общении, он никогда не считал меня маленьким и говорил на равных. Но все эти философии оказались цветочками, ягодки пошли, когда он начал экспериментировать с разными «расширителями сознания», в основном с травой или как ее еще называют «дурью». Слава Богу это его увлечение продлилось недолго и с наркотой он быстро завязал, но начались новые заморочки. Осталась музыка, медитации, эксперименты со сном – сдвигом дня и ночи, короче до недавнего

времени психом считали его, а не меня. Одновременно он ухитрился учиться и закончить медицинский институт почти на одни пятерки. Меня он как раз психом никогда не считал, когда ко мне начали приходиться призраки я ему первому подробно все рассказал. Он почесал затылок и сказал:

–Знаешь, Макс, – это он меня всегда так называет, – на глюки это не похоже. Я бы решил, что ты подключаешься к другому миру, но тоже не то, в общем то что ты видишь где-то есть. Но что это и где оно реально находится, я сказать не могу. Запомни одно – это не твои фантазии, глюкарщиков я много повидал. Ты не из них.

–Не понимаю, – ответил я тогда.

–Да я сам не понимаю, – махнул он рукой, – думаешь, если я врач, то все должен уметь и знать? Ты главное не бойся, а там видно будет.

Теперь мое состояние меня не интересовало, мне хотелось знать что с Настей и как ей можно помочь. Я долго, как мне казалось ехал на метро, потом на автобусе, предъявив строгой контролерше проездной. И через час с небольшим добрался до пятидесят второй больницы.

Железная калитка была открыта, и Максим без труда прошел на территорию. Он боялся что охрана его не пустит, но все обошлось. Вахтер смотрел только за машинами, въезжающими на территорию, на посетителей он не обращал никакого внимания. Пройдя несколько метров по дорожке Максим вдруг понял, что совершенно не представляет где ис-

кать брата. Больница насчитывала корпусов десять, не меньше, соединенных частью закрытыми, а частью застекленными переходами. Максим знал лишь что брат учился на хирурга. «Значит надо искать „хирургический“ корпус», – решил он. Но никаких надписей на корпусах он не видел. Идя по дороге вперед и уже намереваясь зайти в первый попавшийся и спросить у кого-нибудь из персонала, где здесь работают хирурги, Максим увидел небольшой щит со схемой расположения корпусов и пояснениями где какое отделение находится. Корпус с надписью «Хирургия» находился в самой левой части схемы. Максим быстрым шагом пошел по направлению к нему. На входе оказалось непредвиденное препятствие в виде охранника.

–Ты куда малец? – недружелюбно осведомился дядька в пятнистой униформе.

–У меня брат здесь работает, – растерялся в первую минуту Максим, – мне с ним срочно поговорить надо.

–Какой такой брат? – хмуро ответил охранник, – небось навесить кого пришел, а сейчас часы неприемные. Так что давай назад.

–Но у меня действительно здесь брат работает, Белов Сергей Владимирович, вы позвоните, пусть он тогда ко мне выйдет, – быстро выпалил Максим.

–Говорю – нельзя, и звонить никуда не буду, – уперся охранник. Пришлось идти обратно к железной калитке. Медленно шагая Максим лихорадочно думал, что делать и ози-

рался по сторонам, его взгляд вновь упал на схему. Он вновь посмотрел на нее более внимательно. Неожиданно его осенило – «Приемное отделение (справочная)». «То что надо!», – решил он. В приемное отделение его пропустили свободно. Два охранника сидели за столом и явно скучали. Максим подошел к окошку с надписью «Справочная». Девушка в белом халате вопросительно посмотрела на него.

–Извините, – робко начал Максим, – у меня здесь брат работает, так вот, мне срочно его надо видеть. Белов Сергей Владимирович. Он в том году институт закончил, теперь он хирург. А скоро станет как его.., а ординатором.

–Подожди, – улыбнулась девушка, – сейчас телефон найду и позвоню, но если обход еще не завершен, то тебе придется подождать, – она быстро пролистала какие-то списки, потом набрала номер.

–Вторая хирургия? ... Там у вас Белов освободился? Его здесь брат ждет... Понятно..., – затем она положила трубку и посмотрела на Максима.

–Передадут ему, не беспокойся, а пока посиди подожди, – она кивком указала на ряд кресел у стены. Кресла, вернее стулья с подлокотниками, как в кинотеатре были довольно удобные. В одно из них плюхнулся Максим, сняв предварительно рюкзак и положив его на колени, сменную обувь он оставил в школе, решив, что зайдет за ней позже. Сейчас важнее – поговорить с братом. В уме он пытался подобрать фразы, слова, чтобы все лучше объяснить, но ничего не по-

лучалось, в голове была сплошная мешанина из воспоминаний, беспокойства и тревоги. Ждал Максим недолго, двери лифта в коридоре открылись и из них быстро вышел его двоюродный брат. Он сразу направился к Максиму. Учитывая, что тот никогда к нему на работу не приезжал, Сергей с беспокойством, глядя на его напряженное лицо и заметив тревогу во взгляде, сразу спросил:

–Что случилось? Тебе хуже стало?

–Не мне..., – выдавил из себя Максим и начал сбивчиво рассказывать о Насте. Брат слушал внимательно и только иногда потирал пальцами лоб. Сначала Максим не мог подобрать нужных слов и постоянно сбивался теряя суть, но потом взял себя в руки и хоть сбивчиво, но все объяснил. Он рассказал обо всем: призраках, Насте, автокатастрофе, бабушкиной брошке и детских воспоминаниях. Он сам не знал зачем все это рассказывает, ведь достаточно было сказать что Настя в коме и спросить что это такое и чем можно помочь, Но остановится Максим уже не мог. Он хотел выговориться как на исповеди. И брат был как раз тем человеком, кому он доверял. Когда Максим замолчал, Сергей тоже не спешил говорить, обдумывая услышанное.

–Да, влип ты, братишка, по самое оно..., – он сделал паузу, – судя по твоему рассказу кома у той девочки тяжелая. И все что сказали ее родителям – правда. Если за тридцать дней у нее не будет хотя бы малейшего сдвига в состоянии, то отключат аппаратуру и тогда сосновый гроб с венком от

школы... – посмотрев в глаза Максиму, он запнулся, – ты в Бога веришь? – Максим молча кивнул, – тогда иди в церковь и молись, больше ничего тебе посоветовать не могу.

– Я к Смерти лучше обращусь, – медленно ответил Максим, слова текли как густой сироп, – пусть вернет Настю. Я с ней уже говорил, мне бы ее только еще раз увидеть.

– А ты знаешь, что бесплатно ничего не бывает? Какую она у тебя плату за эту услугу потребует, подумал? Сам ведь понимаешь, что это не шутки с точилкой, – Сергей прищурился, – и потом, эта твоя Настя еще не умерла. Ты прав – Смерть, это не такая простая штука как мы все привыкли считать. Вот остановилось у человека сердце. Умер он или нет? Девять человек из десяти ответят что да. А сердце через две минуты взяли и обратно запустили. Ожил? Воскрес? Или все же не умирал? А представь этого же человека с остановившемся сердцем, но через час, тут никакой дефибрилятор не поможет. С комой еще сложнее. Вроде человек жив, а вроде и нет. Я думаю дело тут в душе. Отошла душа, как говорится в мир иной, тогда все. Хоть до ста лет с помощью аппаратуры тело поддерживай – без толку. Но если душа полетает и вновь вернется как говорится в брентную оболочку, тогда уже все от состояния этой оболочки зависит. Если тело в норме, внутренние органы работают нормально, то очнется. Выйдет из комы. Ты вот что, езжай-ка сейчас домой успокойся, а вечером мне позвони, я еще тут проконсультируюсь кое с кем, я же все-таки хирург, а не реаниматолог.

Постараюсь собрать побольше информации.

Максим встал.

– Ладно. Спасибо.

– Э, надеюсь у тебя никаких мыслей нет... типа за ней последовать? – серьезно спросил Сергей, – в любом случае ты должен жить дальше.

– Я выбрал меч настоящего. Я же тебе это говорил, самоубийство – это не для меня, я хочу вернуть Настю, – голос Максима стал обретать твердость.

– А если не вернешь? – испытывающе взглянул на него брат, – что тогда? Нас в институте учили просчитывать наихудший вариант и быть к нему готовым.

– Будет плохо, очень плохо... и больно, – Максим сглотнув, представив как он будет жить без Насти, – потом боль будет постепенно стихать. Останутся лишь тяжелые воспоминания, но со временем померкнут и они. Помнишь как я плакал, когда умер подаренный на день рождения щенок? Это было во втором классе. Теперь это всего лишь неприятное воспоминание. Но с Настей совсем по другому, я буду жить в общем-то нормально, но ее – никогда не забуду.

– Тогда все более-менее в порядке, – кивнул брат, – ты, я смотрю повзрослел, счастливо, – он встал и пошел к лифту.

– Пока, – попрощался Максим и направился к выходу.

До дома он добрался в каком-то полусне, как говорят, на «автопилоте». Открыл дверь. Дома привычно тихо в это время – родители на работе. Максим снял куртку, переобулся

в домашние тапочки, бросил рюкзак с учебниками на стул в прихожей и медленно прошел в свою комнату. Вызывать призраков он не умел и сейчас впервые жалел об этом. Вновь накатило чувство безнадежности и отчаяния. Он подошел к шкафу и открыл ящик, где лежали лекарства, которые он туда складывал, не желая принимать их. Когда он начал видеть призраков и родители повели его по врачам, те выписали кучу разных таблеток. В основном успокаивающие и психотропные средства. Он достал сине-зеленую коробочку. «Лепонэкс», производство Швейцария, «Принимать строго по предписанию врача». Он знал что это за лекарство. Явь словно становится сном. Чувств нет абсолютно никаких, и все безразлично. Даже движения казалось затормаживаются, становятся более медленными и плавными. Максим еще раз посмотрел на упаковку. Шестьдесят штук. Двух таблеток там не хватало. И эти два дня, когда он их принимал он почти ничего не помнил. Потом он заявил родителям, что больше эту дрянь пить не будет, и как оправдание сказал, что не сможет с ними учиться. Но это была неправда, учиться, принимая эти сильнодействующие таблетки было трудно, но можно. Тогда родители поверили ему и коробка переключалась в ящик. «Вот он, – подумал Максим, – меч прошлого и одновременно будущего. Если принимать по таблетке в день, то я пропущу смерть Насти совершенно спокойно, и буду смутно помнить о ней после. Вот только таблетки закончатся и все вернется, но будет еще хуже, так как я даже не пытал-

ся ничего изменить. Нет, лежи-ка ты лучше в ящике, – он бросил упаковку обратно и резко задвинул ящик, оставаясь стоять около шкафа, – но где же мне взять Меч Настоящего?». Его размышления были прерваны старческим голосом за спиной.

–Меч Настоящего всегда с тобой – это слова и поступки человека, – Максим узнал голос Смерти, и стал медленно оборачиваясь, боясь спугнуть призрака.

–Скажи, как мне помочь Насте? – не сдержавшись, он начал против воли беззвучно плакать, – хочешь я тебе косу всегда точить буду? – не выдержал он, сказав это прерывистым всхлипом. И полностью повернулся к ней. Смерть сидела в кресле, вольготно развалившись в нем, но косу с тонким сверкающим лезвием держала вертикально и ровно.

–Было бы неплохо, – усмехнулась она, Максим ее боялся, но страх пересиливало желание добиться ответа, – заполучить такого Точильщика... да еще на долгое время... Заманчиво, ничего не могу сказать, очень заманчиво. А что касается девочки, о которой ты спрашиваешь, то она еще не моя. Но я помогу тебе, у меня есть в этом свой интерес. Ты наверно знаешь о коридоре между мирами. Но вы люди всегда неправильно его представляете, на самом деле он не горизонтальный, а вертикальный. Вниз, сам понимаешь – в Ад, в верх – в Рай. Грехи тянут вниз, хорошие поступки вверх, и вы, люди, интуитивно это понимаете. Но! Есть души, которые по тем или иным причинам, сворачивают в сторону.

А между белым и черным, Адом и Раем, проходит узкая, едва заметная серая переходная полоска, но так как граница бесконечна, то и эта полоска бесконечна. Она и называется Междумирье, отдельный мир со своими законами. Он вбирает в себя то что не принадлежит ни вашему, материальному миру, ни свету, ни тьме. О приведениях слышал? А задумывался, где они обитают, когда на земле не появляются? Там обитают души тех кто заблудился, но не только они. Если душа этой девочки сможет найти дорогу обратно, она будет жить. Но если попадет в рай или ад, или вообще не выберется из Междумирья – здесь она умрет.

–Как мне туда попасть? – хрипло спросил Максим хотя об ответе уже догадывался, но Смерть сказала совсем не то что он ожидал, – учти в Междумирье полно разных существ, одни стремятся напакостить, другие могут помочь. А за то что я тебе это все рассказала, ты пообещаешь мне, что если не сможешь выбраться из Междумирья, то станешь Точильщиком.

–Обещаю, – твердо ответил Максим, и сам не зная зачем поднял вверх два пальца на правой руке.

–Клясться не обязательно, – засмеялась Смерть, – но это приятно, что ты честный.

Она стала быстро таять, пока не исчезла совсем. Теперь Максим понимал, что он может сделать, но он вполне отдавал себе отчет, чем он рискует. К тому же Максим не знал, как осуществить это на практике – впасть в кому. Он решил,

что завтра в школе поподробней узнает о состоянии Насти.

Но подробней узнать не удалось. Все то же самое, никаких сдвигов или тем более улучшений, единственная полезная информация, которую он узнал, это номер больницы в которой лежала Настя. Вот только отделения он не знал, Бугаев сказал что из реанимации ее куда-то еще перевели. Какая-то палата интенсивной терапии. Классная руководительница объявила о сборе денег для Насти. У Димки чуть не вырвался нервный смешок. Ну сколько они могут собрать? Даже если каждый принесет по сто-двести рублей, а больше родители не дадут, то надерется от силы на четыре дня. И это максимум. Конечно, дополнительные четыре дня это больше надежды, но сути не меняет. Нет, он будет действовать по другому и как, Максим уже решил. Но сначала он хотел повидать Настю, может в последний раз, но увидеть ее живой. И хотя в памяти запечатлелся ее последний образ, тот, когда она улыбается ему на первом этаже в школе, Максим хотел увидеть ее вновь, вроде как набрался храбрости и сил, перед тем как он поступит. После школы он аккуратно сделал уроки, потом взял справочник и нашел адрес сорок четвертой больницы, а также перерисовал на чистый листок план улиц как к ней идти от метро. Ехать он решил попозже, когда из больницы уйдет большая часть врачей и не будет посетителей. Так легче проникнуть к Насте. Потом вытряхнул на стол все свои сбережения. Он теперь хорошо знал о системе охраны больниц, и деньги могли ему понадобится, чтобы

«договорится» с охраной. Он посмотрел на часы, следовало поторопиться, иначе скоро придут родители и вопросов типа «Куда это ты собрался?» и «Когда придешь?», не избежать. А ехать только в один конец около часа. На столе он оставил записку: «Уехал по делам. Буду в десять.». Когда он вышел из дому то на улице было совсем темно. Черные силуэты деревьев, темная непроглядная земля, покрытая прошлогодними листьями. Весной еще и не пахнет, только-только закончилась зима. Время в метро пролетело быстро. Максим еще раз обдумал, как он поступит после возвращения. Четко и медленно, шаг за шагом, как компьютер, просчитывая разные варианты. А вот перед больницей внутрь стал заползать страх. «А вдруг меня не пустят, или родители Насти там будут, что я им скажу?» – неприятные мысли, казалось хороводом кружились вокруг него.

– Демоны неверия, – услышал он знакомый голос Синего Крокодила справа, – самые слабые, но и самые опасные. Сделать конкретно ничего не могут, зато все за них делает сам человек. Заморочат ему голову, а он и пойдет у них на поводу, сам того не догадываясь.

Максим невольно огляделся вокруг, ожидая увидеть новых призраков. Но кроме Синего Крокодила рядом никого не было.

– Их увидеть нельзя, – хмыкнул он, – даже я их еле различаю, размером с крысу, а выглядят как обычные мелкие бесы. Главное их оружие – наводить сомнение.

–Понятно, – Максиму стало легче, просто от того что он не один сейчас. И беспокойство пропало, – спасибо что объяснил, – поблагодарил он призрака.

–Не за что, ты их сам только что прогнал, провалились сквозь землю, – Синий Крокодил запыхтел трубкой, – а туда им и дорога. Ладно, удачи. – быстро попрощался он и почти мгновенно растворился в воздухе. А Максим уже подходил к больничным воротам. Он уже знал, что схема расположения корпусов должна находится где-то рядом. Это действительно было так, вот только сейчас был не день и в желтом свете отдаленного уличного фонаря он с трудом различал надписи. Но самое плохое, было то, что никакой «палаты интенсивной терапии» он не нашел. «Так, рассуждай спокойно, – сам себе приказал Максим, – если она была в реанимации, и не пришла в сознание, и ей нужны постоянно приборы, поддерживающие жизнь, то скорее всего в другой корпус ее не повезли. А значит эта палата должна быть в том же корпусе, что и реанимация». Нужный корпус он нашел без труда. Около входа на скамеечке под бетонным козырьком курил парень лет двадцати в белом халате. Максим решил спросить у него:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.